

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

ГАЛИНА ЗЫКОВА, ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ

СЕМИНАР В. Н. ТУРБИНА В ПЕРЕПИСКЕ ЕГО УЧАСТНИКОВ 1960-Х ГОДОВ

*К 10-летию смерти Анны Ивановны Журавлевой (1938 — 2009)
и Всеволода Николаевича Некрасова (1934 — 2009)*

Очерк Анны Ивановны Журавлевой «Семинар уже был легендарным»¹, подготовленный к 250-летию Московского университета, имеет не только мемуарное, но и методологическое значение. В нем становление «легенды» осмысливается через приметы времени, сведения об атмосфере университетской и шире — переломы умственной жизни конца пятидесятих — шестидесятих годов.

Однако детальнее стилистическую суть «легендарности» можно проследить при сопоставлении писем, зафиксировавших быт семинарского закулисья, документов, содержащих описания одних и тех же событий разными авторами.

В этом материале мы в основном обращаемся к письмам Анны Ивановны Журавлевой, адресованным участникам турбинского семинара². На наш взгляд, публикация такого рода источников позволяет восстановить — насколько возможно — эпизоды семинарской жизни и соотнести их с научным, творческим, бытовым контекстом 1960 — 1970-х годов. В архиве А. И. Журавлевой хранятся и письма некоторых семинаристов. Сейчас трудно оценить полноту и степень интенсивности их переписки, происходившей в основном после окончания Московского университета во время поездок, путешествий, когда прерывалось личное общение. Следует отметить, что целостных описаний семинарской жизни, ее научной составляющей в частной переписке нам пока не удалось обнаружить. Тем ценнее представляются те «картинки» — реплики, заметки семинаристов и людей околосеминарского круга, обнаруженные в документах А. И. Журавлевой — ее письмах, адресованных Леонтине Сергеевне Мелиховой, выпускнице филологического факультета (1957 — 1962), участнице Лермонтовского семинара. Несколько лет назад Леонтина Сергеевна Мелихова любезно передала нам стенограммы лермонтовских конференций, а также

Галина Владимировна Зыкова — филолог, историк русской литературы. Профессор филологического факультета Московского университета. Автор монографий о литературных аспектах русской журналистики XIX века. Совместно с Е. Н. Пенской и М. А. Сухотиным подготовила к печати несколько посмертных публикаций стихов Вс. Н. Некрасова. Живет в Москве.

Пенская Елена Наумовна — филолог. Родилась в Москве. Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Ординарный профессор НИУ ВШЭ, доктор филологических наук, автор нескольких сотен работ по русской и европейской истории идей, литературы и театра XIX — XXI веков. Руководитель Школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Живет в Москве.

¹ Журавлева А. И. Семинар был уже легендарным. — Время, оставшееся с нами: Филологический факультет в 1955 — 1960 гг. Воспоминания выпускников. М., «МАКС Пресс», 2006, стр. 61 — 64.

² В настоящее время все эти документы находятся у Г. В. Зыковой и Е. Н. Пенской, правообладателей и владельцев архива В. Н. Некрасова и А. И. Журавлевой.

35 писем А. И. Журавлевой, относящихся к периоду ее (Мелиховой — Г. В., Е. П.) пребывания на Кубе в 1962 — 1964 годах, где она преподавала русский язык³. Эти описания семинара Турбина, а также детали его возможных продолжений в исследовательской, эстетической, художественной практике тех, кто был причастен этому кругу, в научный и историко-культурный оборот мы вводим впервые.

Последнее время семинары, в основном домашние⁴, нередко обсуждаются как один из способов организации науки⁵. Эта форма приобретает основные качества в эпоху оттепели, закрепляется в пост-оттепельное время, возвращая академические корни и прежние традиции, разрушенные к началу 1930-х годов⁶. По мысли семинаристов-семидесятников, к началу перестройки семинарская традиция «проросла» в новых исследовательских проектах и образовательных структурах, международных и российских⁷. Фрагментарные, нередко случайные сведения оседают в воспоминаниях, рассыпаны в записках, частных письмах, эссе «по поводу», которые появляются время от времени в научных журналах, сборниках и публицистике. Все эти материалы порождают вопросы, давая основания видеть противоречия, наблюдать, с одной стороны, близость, пересечения, «тесноту», а с другой, — разобщенность, раздробленность групп.

В подходах к проблеме семинара, где складывались или не складывались, а порой, ломались личные и профессиональные судьбы, есть много препятствий, иной раз непреодолимых. Они заключаются в отсутствии источников, трудностях систематизации и выстраивании типологии, в поиске принципов классификации. Повезло тем бытописателям семинарской жизни, в чьих руках остались хоть какие-то документы, фиксировавшие доклады, обсуждения или другие события. Но таких — единицы. Чаще мы имеем дело с разрозненными сведениями. Как жаль, к примеру, что мы так мало знаем о семинарах Л. Е. Пинского на филологическом факультете МГУ с 1948 по 1951 годы, закрытых во время кампании по борьбе с космополитизмом. Сохранилась ли какая-то преемственность его семинарских занятий с прежними университетскими? Семинары проходили в Козловском переулке у метро «Лермонтовская», где жили И. М. и А. С. Фильштинские⁸. К ним Л. Е. Пинский нередко приходил после возвращения из Унженского лагеря и реабилитации в 1956 году.⁹ Позднее эти семинары переросли в «межцеховые» домашние «пятницы» на Красноармейской улице, где собирались ученые, поэты и художники, обмениваясь самиздатом и другим «мыслительным опытом»¹⁰.

Семинары домашние и вузовские, закрепленные нормативами учебного процесса, и вольные, существующие по своим правилам, альтернативным официальной науке, но соблюдающие строгие ритуалы... Их опыт сохранялся представителями разных поколений. У семинарской жизни разные сроки.

³ Зыкова Г. В., Пенская Е. Н. Д. Е. Максимов в переписке с А. И. Журавлевой: Документы у истории лермонтоведения второй половины XX века. — «Вестник Московского университета. Серия 9: Филология», 2014, № 6, стр. 34 — 47.

⁴ Жолковский А. К. Ж/З — 97. — Московско-тартуская семиотическая школа: История, воспоминания, размышления. Под ред. С. Ю. Неклюдова. М., «Языки русской культуры», 1998, стр. 175 — 209.

⁵ Гаспаров М. Л. Семинар А. К. Жолковского — Е. М. Мелетинского: из истории филологии в Москве 1970-1980-х гг. — «Новое литературное обозрение», 2006, № 77, стр. 49 — 56.

⁶ Пенская Е. Н. Структуризация российской гуманитарной среды. Подходы к изучению. — «Вопросы образования», 2006, № 4, стр. 63 — 76.

⁷ Брагинская Н. В. Домашние семинары 1970-х. Материал к выступлению. — «Русский журнал», 7.12.2006 <<http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Domashnie-seminary-1970-h>>.

⁸ О семинарах Л. Е. Пинского конца 1950-х годов упоминал В. Т. Стигнеев в беседах с авторами данной статьи.

⁹ Емельянова Ирина. Поименное. Незабытые лица. М., «Прогресс-традиция», 2017, стр. 89 — 90.

¹⁰ Пинский Л. Е. F90. Архив Бременского Института Восточной Европы.

Долгожители встречаются редко¹¹. Семинары менялись с течением времени, складывались как отражение локальных процессов, происходивших в университете, и одновременно становились катализатором новых подходов в академических исследованиях, нового языка в искусстве, эстетике и художественной практике.

Антропология московской, питерской и региональной, как сказали бы сейчас, семинарской среды, — все это требует собирания и социологического анализа.

Так, на русском отделении филологического факультета МГУ после смерти Сталина без малого в течение тридцати-сорока лет параллельно функционировали несколько «культовых» семинаров — С. М. Бонди, Н. И. Либана¹², В. Н. Турбина. В Ленинградском университете не менее известны семинары Д. Е. Максимова, посвященные блоковскому творчеству и поэтике русского символизма. Как домашние полуофициальные встречи они «погранично» прописались с 1960-х до середины 1970-х годов в ленинградской музейно-квартире А. А. Блока¹³. Если судить по мемуарам, то ко всем «выпускникам-приверженцам» можно в равной степени применить одни и те же формулы: на всех турбинских (читай: либанских, максимовских и т.д.) есть особый отпечаток, а для учеников руководитель такого калибра, как правило, — кумир, эталон и самый свободный профессор университета¹⁴.

Лермонтовский семинар В. Н. Турбина сохранял свою притягательность¹⁵ для студентов и особые центральные позиции на факультете почти четверть века с середины 1950-х годов, о чем свидетельствуют многие¹⁶.

Свой краткий «портрет» турбинского семинара как пересечения и кристаллизации ключевых профессиональных и житейских сюжетов предложил Вс. Некрасов: «О турбинском (Лермонтовском) семинаре в МГУ да и самом В. Н. Турбине вкратце не расскажешь. Компания была не без обычных дразг, но в основном все-таки очень дружная. Сплачивали и выезды на разную картошку (тут Турбин, как я понимаю, был всегда первый), и поездки всем автобусом (был такой специальный автобус) на конференции, и, главное, сами конференции, хоть автобусом туда, хоть пешком... Т. е. главное-то все-таки был сам семинар. Так или иначе...

Уж Лермонтова в обиду не давали... И честно скажу, до чего живым делом может быть академическое литературоведение, я понял, уже только набравшись ума на этих конференциях. И, понятно, в кулуарах. В основном в пикировках. Хоть сам лет пять как кончил учение, а нам читали-преподавали, например, Е. Б. Тагер, М. В. Панов. И читывали и мы того же Тынянова. Позже слыхивали и про Бахтина... Вот и весной 1966 в автобус на конференцию в Пушкинские горы взяли нас с Михаилом¹⁷, а старшей по поездке была Аня, тогда как раз заканчивавшая аспирантуру¹⁸.

Как и в любом сообществе, в семинаре наверняка существовала своя иерархия, внутренние группы, притяжения и отталкивания. Воспринимались

¹¹ Считается, что срок жизни домашних семинаров короток: примерно 5 — 7 лет. Исключение составлял семинар В. С. Библера, просуществовавший 35 лет.

¹² Воспоминания о Николае Ивановиче Либане. М., «Прогресс-Плеяда», 2010.

¹³ Максимов Дмитрий Евгеньевич в памяти друзей, коллег, учеников. М., «Наука», 2007.

¹⁴ «Люди, вышедшие из Либана»: ученики о самом свободном профессоре Университета. — «Татьянин день. Молодежный интернет-журнал», 15.03.2011 <<http://www.taday.ru/text/928624.htm>>.

¹⁵ Гачев Г. Феномен Турбина. — «Новое литературное обозрение», 1993, № 7, стр. 27 — 32.

¹⁶ Зыкова Г. В., Черняков А. А. Турбинский семинар и окрестности (конец 1950-х-1960-е годы): Разговор с А. А. Черняковым. — «Вестник Московского университета». Серия 9: Филология. 2016, № 4, стр. 119 — 130.

¹⁷ Соковнин Михаил Евгеньевич (1938 — 1975) — поэт, прозаик.

¹⁸ Некрасов Вс. Письменные ответы на некоторые из вопросов Дарьи Новиковой. 2005 <<http://vsevolod-nekrasov.ru/Interv-yu/Pis-mennye-otvety-na-nekotorye-iz-voprosov-Dar-i-Novikovej>>.

эти измерения естественно по-разному — изнутри и снаружи, меняясь со временем. Любопытен сторонний взгляд М. Л. Каганской¹⁹, нередко навешавшей турбинцев. О своем понимании семинарского устройства она писала А. И. Журавлевой 20 декабря 1962 года: «...Меня очень интересует и вообще жизнь семинара (он у меня как-то «кругами» — ближний (Энтин²⁰, Лошиц²¹), немножко отступив Черняков²², Александров²³, еще дальше — ты, Тоня²⁴, хотя степень заинтересованности примерно одинакова для всех и очень-очень книжна»²⁵. Остается непроясненным, как и по отношению к кому/чему, в какой системе координат внешний наблюдатель выявляет эти семинарские «кольца», определяет их конфигурацию.

Тем не менее можно считать, что появление М. М. Бахтина, встречи с ним, рассказы и обсуждения, связанные с его фигурой, стали одним из кульминационных моментов в «большой» истории семинара и его участников. Выстраивалась семинарская вертикаль, и коллизия «учитель нашел своего учителя», настойчиво повторяемая В. Н. Турбиным, преемственно усваивалась учениками, укрепляя легенду семинара.

Для Анны Ивановны Журавлевой семинар и его создатель сыграли в последующей профессиональной жизни едва ли не основополагающую роль, хотя многое переосмыслилось позднее, менялись оценки. Но влияние В. Н. Турбина проявилось прежде всего в сочувствии идеям Бахтина²⁶.

Послеуниверситетское время для Анны Ивановны Журавлевой складывалось непросто и до поступления в аспирантуру в 1964 году в основном было связано с поиском работы.

Что касается семинаристов (студентов и уже закончивших университет), то турбинская «опека» сказывается и в том, что он постоянно вовлекает их в круг своих интересов, делится с учениками «открытием» Бахтина. Леонтина Сергеевна Мелихова становится «домашним» человеком в саранском доме Бахтиных с 1963 года. «Лялины сигары», которые Л. С. Мелихова присылает с Кубы Бахтину, нередко упоминаются в переписке. Анна Ивановна Журавлева была знакома с Бахтиным с 1963 года, хотя сама она позднее называла другую дату — годом позже. «К М. М. в Саранск меня, тогда аспирантку, и несколько студентов В. Н. Турбин привез из Пензы, с Лермонтовской конференции 1964 года. М. М. был тогда еще не очень похож на свой известный портрет, который обычно воспроизводится: тогда он был полнее, более круглолицый. Он мне показался каким-то мягким, был очень приветлив, может быть, потому, что чувствовал наше страшное смущение. Я, конечно, уже читала тогда книгу о Достоевском и была совершенно под ее властью»²⁷. Бахтин же в письме от 29 декабря 1963 передает «признательность Ане», приславшей «Вестник Московского университета» с знаменитым «покаянным письмом» Турбина,

¹⁹ Каганская Майя Лазаревна (1938 — 2011) — филолог, эссеист, журналист, выпускница Киевского государственного университета (1962).

²⁰ Энтин Борис Павлович (1938) — филолог, журналист, в 1960 — 1980-х работал в литературных редакциях Гостелерадио.

²¹ Лошиц Юрий Михайлович (1938) — писатель, публицист, литературовед.

²² Черняков Анатолий Аркадьевич (1938), в 1970-е годы редактор издательства «Искусство», в постсоветское время занимается социологическими исследованиями в Фонде «Общественное мнение».

²³ Александров Сергей Михайлович (1938) — редактор библиографического словаря «Русские писатели: 1800 — 1917».

²⁴ Музыкантова Антонина Григорьевна (1938), в замужестве Казьмина, однокурсница Венедикта Ерофеева, упоминается в его «Записках психопата», с середины 1980-х до конца 1990-х возглавляла издание «Досуг в Москве».

²⁵ Каганская М. Л. Письмо Анне Ивановне Журавлевой. 20 декабря 1962. — Личный архив Г. В. Зыковой и Е. Н. Пенской. Л. 1.

²⁶ Зыкова Г. В., Пенская Е. Н. Анна Ивановна Журавлева. Библиографический очерк. 2014. — Всеволод Некрасов. Мемориальный сайт <<http://vsevolod-nekrasov.ru/layout/set/print/A.I.ZHuravleva/Ob-A.I.ZHuravlevoj/Biobibliograficheskij-ocherk>>.

²⁷ Журавлева А. И. М. М. Бахтин (впечатления). — «Диалог. Карнавал. Хроно-топ», 1996, № 2, стр.80 — 81.

опубликованным в 10 номере 1963 года в связи с его проработкой на кафедре, когда ему пришлось выбирать между заявлением об уходе из университета и заявлением о полном пересмотре своей эстетической позиции. Бахтин откликнулся: «...считаю, что поломка Вашей прекрасной машины (я уже не говорю о Вашем здоровье) нечто гораздо более серьезное и печальное, чем этот карнавальная жест»²⁸. Темы, обсуждавшиеся в переписке В. Н. Турбина и М. М. Бахтина 1962 — 1966 годов²⁹, отражаются и комментируются в неопубликованных «синхронных» письмах Анны Ивановны Журавлевой Леонтина Сергеевны Мелиховой в 1962 — 1964 годах, взаимно дополняя друг друга.

Турбинские увлечения кибернетикой, его технократизм, доминирующий в 1962 — 1963 годах, осторожно, но достаточно трезво и не без юмора комментировались А. И. Журавлевой. Нельзя сказать, что эта тема настойчиво обсуждалась, но несколько раз она упоминалась в ее письмах — впроброс — достаточно иронично: «Шеф³⁰ последнее время только и занят кибернетикой, точными методами, машинами, спорит и соглашается с Колмогоровым. А я скорее соглашусь все-таки с Корнеем Ивановичем, потому что ведь и вправду словесный трафарет убивает душу, превращает человека Бог знает во что, набивает его мозги кибернетикой»³¹. (Из письма 17 марта 1962 года). Описывая совместный поход на просмотр фильма «Трус»³², Анна Ивановна словно бы вскользь замечает о Турбине: «Дон Кихот, Санчо и Личарда³³ в одном лице, думает о кибернетике и неторопливо прихрамывает, захватываяще рассуждая о собаках, страшных немецких овчарках. Собаки сейчас его главная страсть <...> И как-то это все не очень вяжется с кибернетикой. Фильм сильный. Прото, как деревенский учитель (очень убедительный Ладислав Худик), совсем не герой, а какой-то... человечный что ли... он все время нервничает, просит жену соблюдать осторожность — ведь немцы в конце войны особенно зверствуют. И вот этот учитель делает очень спокойно то, что нужно: спрятал в горах раненого партизана и тут же ему приходится спасать советского парашютиста Олега (Олега Стриженова не очень люблю из-за его иногда ходульного пафоса, но здесь он на месте), который едва не попал в плен, расстрелял все патроны и бредит после ночи в ледяной реке. Командир прибывшего в деревню немецкого подразделения (Вильгельм Кох Хуге) тоже бывший учитель и хорошо

²⁸ Из переписки М. М. Бахтина с В. Н. Турбиным (1962 — 1966). — «Знамя», 2005, № 7, стр. 68.

²⁹ Из переписки М. М. Бахтина с В. Н. Турбиным (1962 — 1966). — «Знамя», 2005, № 7, стр. 43 — 68; № 8, стр. 69 — 82.

³⁰ «Шеф» — терминологическое общее место, клише, не в последнюю очередь обусловленное влиянием «духа времени», отраженного в журнальной публицистике, прозе 1960-х, — «кличка», характерное прозвище В. Н. Турбина в кругу его учеников, сохранившееся до 1980-х годов.

³¹ Возможно, неточная цитата: Чуковский К. И. Живой как жизнь (разговор о русском языке). М., «Молодая гвардия», 1962, стр. 18. Эта книжечка была и в домашней библиотеке, о чем можно судить по выпискам Д. И. Журавлева, сделанным в марте 1962 года. (Документы Дмитрия Ивановича Журавлева (1901 — 1978), доктора физических наук, профессора, дяди Анны Ивановны Журавлевой, хранятся в личном архиве Г. В. Зыковой и Е. Н. Пенской).

³² «Zbabelec», 1961, о событиях словацкого антифашистского восстания 1944 года. Снят чехословацким режиссером Иржи Вайсом (Jiri Weiss, 1913 — 2004), эмигрировавшим на Запад в 1968 году.

³³ Личарда — еще одно прозвище Турбина, которым он сам себя именует в эпистолярных беседах с Бахтиным. «Чувствую, что появляются тенденции к каким-то ненужным недоразумениям между старшим и младшим поколением Ваших друзей; и ужасно не хотелось бы, чтобы вокруг Вас, как вокруг Льва Николаевича Толстого, начали кипеть какие-то страсти и обиды. Мне кажется, что внутри младшего поколения все хорошо стабилизировалось: Вадим проталкивает, Сергей редактирует, я хлопочу с чайником и плиткой, исполняя роль расторопного завхоза, — так сказать, „личарда верный“. Вокруг нас, проталкивающих, редактирующих и хлопочущих по хозяйству, щебеча, суетятся милостивые девушки и дамы, придавая всему необходимый лирический беспорядок и оттенок уюта...» Цит. по: «Из переписки М. М. Бахтина с В. Н. Турбиным». — «Знамя», 2005, № 8, стр. 71. Семинаристы это имя подхватывают.

говорит по-чешски. Но после взрыва, погубившего много немецких солдат, он заставляет героя читать список заложников — жителей деревни, читать до тех пор, пока не признается тот, кто взорвал мину. Не закончив чтения, учитель берет на себя ответственность за взрыв и погибает на виселице. Вот, собственно, в чем суть дела <...>. И далее следует довольно тщательный «репортаж» о фильме (как сама А. И. Журавлева называет эту часть письма Л. С. Мелиховой от 10 февраля 1963).

Если судить по сообщению Турбина от 4 февраля 1963, адресованному Бахтину, этот фильм произвел на него «душераздирающее впечатление», и собак в фильме оказалось множество — все они были великолепные по выразительности — злые вымуштрованные немецкие «доберман-пинчеры». И далее сообщает, что собаки последнее время составляют предмет его страсти и «маниакальных» мыслей, что свидетельствует о возрастающей необходимости написать совместную «книгу о зверях» в литературе, структура и ритм которой прорисовываются все более отчетливо³⁴. Обсуждение этой книги, похоже, стало в 1962 — 1963 годах одним из центральных сюжетов, который занимал руководителя и семинаристов, потому что Анна Ивановна трижды возвращается к деталям, сообщая Леонтине Сергеевне о «звериных» замыслах. Причем упоминания «книги о зверях» и серьезные, и шуточные. «Звери всюду — звери вокруг нас», — так начинает Анна Ивановна свое письмо 7 января 1963, поздравляя Леонтину Сергеевну с Новым годом. Звериные мотивы в письмах обретали даже конкретные очертания, намечался план сборника, именуемого «Бестиарий русских прозаиков и поэтов XIX века». А. И. Журавлева предлагала Л. С. Мелиховой совместное обследование животных в лермонтовском мире. «Самый густонаселенный домашними и дикими существами у Лермонтова, кажется, «Вадим». Сцена неудачной травли как-то по-балладному схематична. Нет? А помнишь, дальше в XIX главке пейзаж пронзительный. Убедительность достигается скорее всего за счет подлинной передачи звериных звуков. Вот что имею в виду: «...По обеим сторонам дороги начинали желтеть молодые нивы; как молодой народ, они волновались от легчайшего дуновения ветра; далее за ними тянулись налево холмы, покрытые кудрявым кустарником, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лес: казалось, мрак черными своими очами выглядывал из-под каждой ветви; казалось, возле каждого дерева стоял рогатый, кривоногий леший... все молчало кругом; иногда долетал до путника нашего жалобный вой волков, иногда отвратительный крик филина, этого ночного сторожа, этого члена лесной полиции, который, засев в свою будку, гнилое дупло, окликает прохожих лучше всякого часового...» Ну и особо — про обыкновенную волчью звериную природу в конце, когда встречаются отец и сын? «они плакали от радости и от горя; и волчица прыгает и воет и мотает пушистым хвостом, когда найдет потерянного волченка; а Борис Петрович был человек, как вам это известно, то есть животное, которое ничем не хуже волка; по крайней мере так утверждают натуралисты и философы... а эти господа знают природу человека столь же твердо, как мы, грешные, наши утренние и вечерние молитвы; — сравнение чрезвычайно справедливое!..» Хорошо бы собрать и по «Герою», и по стихам-поэмам. Получается интересно. Что скажешь?» (из письма А. И. Журавлевой Л. С. Мелиховой 18 апреля 1963). Видимо, Достоевский рассматривался как следующий «пункт» обследования, потому что в сезонном — конца весны — лета — каникулярном эпистолярном, где обсуждается и поездка к М. М. Бахтину осенью, и «звериная антология», всплывают реминисценции из сочинений Достоевского. «Облепили мы ММ³⁵, как мухи Фому в „Селе Степанчиково“» (из письма А. И. Журавлевой Л. С. Мелиховой 10 июня 1963); примерно то же самое суждение о понятном, но назойливом — «девичьем, хоть и юношей на самом деле немало вокруг» — беспокойном интересе к Бахтину, который Анне Ивановне представляется не

³⁴ Из переписки М. М. Бахтина с В. Н. Турбиным (1962 — 1966). — «Знамя», 2005, № 7, стр. 52.

³⁵ Имеется в виду Бахтин Михаил Михайлович.

всегда уместным: «„Много теперь туда всякого бабья напихалось, как мух у варенья; да ведь не разберешь, которая замуж хочет”, — как говаривал господин Бахчеев»³⁶. Чуть позднее и сам Михаил Михайлович видится автору отчасти как «персонаж» литературного бестиария — «мягкий и молчаливый нездешний диковинный зверь» (из письма А. И. Журавлевой Л. С. Мелиховой 2 марта 1964). Похожие черты бахтинского облика повторяются и в мемуарном очерке А. И. Журавлевой, цитированном выше.

Заразительность турбинской затеи проявилась еще и в том, что описания дружеских посиделок семинаристов передаются в эпистолярной автором словно бы сквозь оптику детского поэтического цикла С. Я. Маршака «Детки в клетке»: «Ел морковку у слона / С журавлем поел пшена / Погостил у носорога / Отрубей поел немного», — А. И. Журавлева мимоходом подмечает характерную черту общительного Б. П. Энтина и его талант «непринужденно столоваться в разных приятельских домах». (Из письма А. И. Журавлевой Л. С. Мелиховой 12 июля 1963). «Послесловие» А. И. Журавлевой, к которому присоединился и Вс. Некрасов, обычно сопровождало прощание с гостями, уходящими из дома в Сокольниках: «Но вот наступает прохлада. / Чужие уходят из сада. / Горят за оградой огни, / И мы остаемся одни». В подобных обстоятельствах авторы данного текста слышали не раз от хозяйки дома этот финал стихотворения «Зоосад» С. Я. Маршака, но данная цитата, возможно, впервые появляется в письме Л. С. Мелиховой 12 июня 1963 года при описании вечера с семинаристами, собравшимися отметить двадцатипятилетие А. И. Журавлевой. Через несколько дней 19 июня в очередном письме А. И. Журавлева приводит к случаю сентенции «Из Турбина» применительно к одному из факультетских персонажей: «...такой же мерзавец и свинья в ермолке, как все. Моветон и старый башмак...»³⁷ Однако, прав был, согласно В. Н.³⁸, гоголевский чиновник: „Свинья не бывает в ермолке!”. Видоизменение данного пассажа всплывает позднее через три года в качестве «заставки» к одному из домашних журнальных выпусков. Но об этом ниже.

А пока звериные мотивы обнаруживались и в нелитературной повседневности. Даже щенок — эрдель Чарли появился в семье не в последнюю очередь в результате увлечения «литературным зверьем», о чем А. И. Журавлева позднее вспоминала 17 апреля 1965 года в письме Лоре³⁹: «... наш бахтино-турбинский замысел материализовался вот в таком существе, рыже-черном, курчавом с толстыми лапами и с хвостом морковкой».

Звериная тема в 1960-х годах, видимо, получила продолжение в идее рукописного журнала под названием «Bufo», или «Bufonidae»: «Недавно придумали дурачество — издавать потешный журнал. Дали ему ученое название «Bufonidae», или по-домашнему «Буфонида», «Буфа». Откуда взялось? Оказывается, есть такое семейство жаб очень большое, живут во всех частях света. Что характерно, жабы безобидные и беззубые, хоть и страшные. Говорят, на Кубе тоже водятся среди других аллигаторов. Не встречалась ли тебе наша «Буфушка» где-нибудь на берегу океана? А если всерьез, то все страшно увлечены. «Буфа» нам очень подходит, потому что карнавальна, дурашлива и способна передразнить каждого, начиная с шефа. Сочиняют, достают забытое все и много. Кто-то из наших недавно притащил: «Много бегал / Утомился / Ноги стали волочиться / Сядь на стул — / Зажги сигару / Посмотри — На небе солнце, / В светлом воздухе летают / Птицы, / На цветах сидят стрекозы / И жуки / И на камне умный бобр / Держит рыбу меж клыков. / Люди, звери и предметы / Ниц падут перед тобой, / И на лбу твоём высоком / Вспыхнет

³⁶ Цитата из романа Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» в письме А. И. Журавлевой Л. С. Мелиховой 21 июня 1963.

³⁷ Реплика Шабельского в I действии, картине 4 из пьесы А. П. Чехова «Иванов». I действие, картина 4.

³⁸ Турбин Владимир Николаевич.

³⁹ Агеева Клеопатра Владимировна (1940 — 2011) — близкая подруга, учившаяся в турбинском семинаре в 1964 — 1969 годах.

яркий лампийон»⁴⁰. Пытались изобразить пантомиму. Предлагают открыть первый номер, взяв в качестве эпиграфа и программы журнальной...» (Из письма А. И. Журавлевой Л. С. Мелиховой от 11 декабря 1963 года).

Генезис этой программы сам по себе заслуживает внимания. Но здесь мы его лишь наметим. Журнал с 1964 года приобрел форму одноименного альбома — просто «Жаба» без латинских коннотаций. С течением времени он видоизменялся, а с 1968 года за ним закрепилось альбомное название «Белиберда», заполнявшаяся все тем же составом турбинского кружка. К А. М. Чернякову, Ю. М. Лощицу, С. М. Александрову, А. И. Журавлевой присоединились Вс. Н. Некрасов и В. Т. Стигнеев. Журнал-альбом продолжался 7 лет в разных тетрадах и вариациях, периодичность, портфель нам неизвестны, но природу его уместно охарактеризовать словами Вс. Некрасова о книге «Вариус» М. Е. Соковнина: «не так писался, как складывался...» — тогда же возникло некрасовское «плоское словцо „у околиц БелИберды”»⁴¹. Получается, в какой-то момент пути «Вариуса» и журнала «Жаба-Белиберда» турбинской компании пересеклись, сотрудничая друг с другом.

Не исключено, что эти упражнения в смысловой «галиматье»⁴², эта независимость и открытость семинара впоследствии подготовили и встречу с молодыми поэтами Всеволодом Некрасовым и Михаилом Соковниным, приглашенными В. Н. Турбиным на семинар весной 1966 года. Не исключены и языковые взаимные рифмовки и переключки в журнальной Буфе-Жабе турбинцев и поэтической миниатюре М. Е. Соковнина: «ЖАБА». «Жила — была / Же- А-Бе-А», впервые в 1976 году опубликованная Вс. Некрасовым в сборнике детской поэзии «Между летом и зимой». В цикле М. Е. Соковнина 1968 года «Суповой набор» (Болдинский предметник) звери и насекомые присутствуют наравне с другими объектами: красные жуки, ежи, грачи. «Жабы. Луна. / Выпаривание блина. / Две свиньи, / газеты и соловьи»⁴³.

Вс. Некрасов в устной беседе с одним из авторов данного материала (27 апреля 2003) соковнинский «Зоосад» интерпретировал как возможную реплику середины 1960-х годов — реакцию на собирательные «детки в клетке» — обязательную укорененность «зверюшек» в детской поэтической традиции, якобы близкую детской психологии восприятия мира. «Тот же самый зоопарк, / тот же самый леопард / Не живые ягуары, / а живые мемуары / смотрят через листопад / на зоопруд и зоосад»⁴⁴. Одного «Зоопарка» оказалось недостаточно, понадобилось продолжение: «Здесь они все поневоле: / и слоны, и пони, лори, / крокодилы, / львы и тигры, / два горба, одна ноздря / на четырех взгромоздя»⁴⁵.

Один из рукописных номеров 1967 года был приурочен ко дню рождения А. А. Чернякова⁴⁶. Его рубрики-разделы содержали разные поэтические и прозаические фрагменты. Завершенные и неоконченные, они написаны в основном А. И. Журавлевой с поэтическими вкраплениями Вс. Некрасова и М. Соковнина. Монтаж почерков, визуально выразительный, напоминал сценарий пьесы. Номер открывался эпиграфом-цитатой «из Турбина», сохраняющей «зооморфные» мотивы и словно бы отсылающей к письму А. И. Журавлевой Л. С. Мелиховой трехлетней давности: «„Свинья не бывает в ермолке!” — твердил гоголевский чиновник. И в чем-то он был прав. Но все-

⁴⁰ Здесь процитированы фрагменты стихотворения Д. Хармса «Горох тебе в спину» (1934).

⁴¹ Некрасов Вс. Вариус и автор. — Михаил Соковнин. Проза и стихи. Вологда, 2012, стр. 9.

⁴² Излишне, наверное, напоминать об актуальных для турбинцев коннотациях с языком галиматьи, к которому обращались члены литературного общества «Арзамас» (1815 — 1818).

⁴³ Соковнин Михаил. Суповой набор (Болдинский предметник). — Михаил Соковнин. Проза и стихи, стр. 116.

⁴⁴ Там же, стр. 205.

⁴⁵ Там же, стр. 206.

⁴⁶ Альбом находится в настоящее время в архиве Г. В. Зыковой и Е. Н. Пенской.

таки, он не пытался развить свою мысль и не порывался именовать себя реалистом». Далее следует развернутая ремарка-пояснение. Она же — «Предисловие критика»: «Итак, перед нами — новый цикл талантливого автора широко известной поэмы „Кто есть кто“. Событие тем более радостное, что несколько затянувшееся молчание поэта беспокоило его друзей и вызывало злорадное удовлетворение в лагере врагов новой поэзии...» В «Предисловии» содержится и «портрет интеллектуального современника» — «целостного героя времени — человека черновиков», и ироническая оценка молодой поэзии, и лингвистический экскурс в область русской фонетики, в которой особое место в семье индо-европейских языков занимает «веселый русский, лукаво-иронический звук «Ч», таящий в себе отрицательную мудрость и глубину черноты, вечного антагониста серьезной и плоской пустоты белого». Шуточная галиматья сопровождает и весь «бахтинский лексикон»: карнавальность, диалог, антиномии и т. д. А к звериным мотивам отсылает и реминисценция «из стихов талантливой современницы Некрасова», написанная в альбоме зеленой шариковой ручкой на фоне остальных чередующихся черных и красных строк: «...как черновая скоропись / сбивчивый след собачий»⁴⁷. В тридцать третьей части своей книги «Товарищ время и товарищ искусство» В. Н. Турбин полностью приводит стихотворение М. Борисовой «Два следа», где данные строки дважды повторяются рефреном⁴⁸. После короткого комментария, возвращающего читателя к идее «целостности человека черновиков, заполняющего пространство своего существования «черновой скорописью» появляются новые действующие лица, и авторы журнала-альбома размещают экспромт М. Соковнина, написанный синими почти печатными буквами «Подражание Александрову-Некрасову: «Толя Черняков / толи любит комаров / толи любит кальмаров». — Внизу страницы приписка А. И. Журавлевой красной шариковой ручкой: «При чтении этого альбома и в ответ на какую-то остроту С. Александрова, не сохраненную для потомства из-за отсутствия Эккермана при Александрове».

Журнально-альбомные и эпистолярные упражнения продолжались достаточно долго (видимо, больше 10 лет).

Очевиден в семинарском кругу взаимообмен домашними заготовками и «серьезными» темами. Наставники и питомцы развивают сюжеты, так или иначе заданные М. М. Бахтиным. К смеховой культуре Турбин и Бахтин в своих диалогах возвращаются часто. Стоит ли напоминать, что Бахтин еще в 1940-х годах сделал немало подступов к принципиальным для него концепциям о природе комического, соотношении серьезного и смешного, философских элементах смеха, смехе как универсальной категории мироустройства — разработкам, ставших ядром теории романа, исследований о Рабле и Достоевском?⁴⁹ А с самого начала знакомства и переписки Турбина и Бахтина в начале 1960-х смех в разных ипостасях то и дело становится контекстом и лейтмотивом обсуждаемых событий — житейских, академических, творческих. Из очередного письма Бахтина узнаем его восприятие XIX века как почти исключительно серьезного, торжества *bestia seriosa*. «В атмосфере абсолютной серьезности (в пределе) невозможно никакое движение мысли (всякой мысли, а не только художественной). Абсолютная серьезность повелевает стоять без движения („Замри!“»⁵⁰. Турбин в 1963 году намеревался выпустить книгу «Человек, который смеется», представил план, составлявшийся в диалоге с Бахтиным, заключил договор с издательством «Искусство», но рукопись так и не представил. Договор несколько раз пролонгировался и в 1966 году был расторгнут⁵¹. Журнал, как и совместная с Бахтиным монография, посвященная «изображе-

⁴⁷ Борисова Майя Ивановна (1932 — 1996) — поэтесса, переводчик.

⁴⁸ Турбин В. Н. Товарищ время и товарищ искусство. М., «Искусство», 1961, стр. 79.

⁴⁹ Бахтин М. М. К вопросам теории смеха. — Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 5. М., «Русские словари», 1997, стр. 49 — 50.

⁵⁰ Из переписки М. М. Бахтина с В. Н. Турбиным (1962 — 1966). — «Знамя», 2005, № 8, стр. 79.

⁵¹ Там же.

нию зверей в искусстве», остались не воплощенными в задуманном виде. Но следы общих планов, горячо обсуждавшихся в Саранске в 1962 — 1966 годах, проступают и в турбинских работах, и в статьях Бахтина. Так, собиратели и комментаторы бахтинского наследия опубликовали описание звериного мира у Флобера⁵². Анна Ивановна не раз позднее упоминала об этих семинарских домашних планах «вокруг» и «в связи» с Бахтиным, где не только всерьез ученически, но и шуточно, пародийно оформлялся почерк, узнаваемо прораставший в письмах, эстетических, вкусовых пристрастиях, академических штудиях и поэтической практике.

Бахтинские «личные уроки» для Анны Ивановны немногочисленны, но очень глубоки. В ее коротком мемуаре о Бахтине, к которому мы не раз обращались, значимы два эпизода. Один отчетливо осознается автором как «поворотный», открывший новую перспективу и понимание сути вещей. Дело в том, что Анна Ивановна присутствовала однажды при одной полемике и услышала важную реплику Бахтина, обычно молчаливого, в ответ на высокомерную атрибуцию мещанства, предложенную собеседником. «М. М. ... сказал, что это от Горького распространившееся презрительное отношение к мещанству совершенно несправедливо и бессмысленно. Речь тут идет об агрессивном неприятии достоинств рядового частного человека. А между тем именно этот массовый человек есть хранилище исторического опыта существования человечества. То, что я пишу, — не цитата, но за точность мысли я целиком отвечаю, потому что она для меня осталась очень важной на всю жизнь, открыла другой угол зрения на простые вещи и простые достоинства». Другой эпизод — это штрих к портрету Бахтина «смеющегося»: «М. М. вспомнил, что Л. Е. Пинский привозил ему как-то ранние стихи Вс. Некрасова, они ему понравились, он сказал, что очень смеялся. Это были стихи лианозовского периода, я думаю, что развеселили М. М. „Стихи на русском языке“, „Стихи на иностранном языке“ и „Шли солдатики домой...“, „Антимир“»⁵³.

Именно в этой неформальной среде закладывались будущие основы Анны Ивановны Журавлевой — преподавателя-слушателя, словно бы унаследовавшего бахтинский дар молчания и сосредоточенного интереса к собеседнику. Магистральные направления исследований Анны Ивановны, ее метод, способы интерпретации литературных явлений, поведения в искусстве и академической жизни, истолкование репутаций, похоже, сформировались в семинарском домашнем закулисье. Прочтение театра Островского как преимущественно комедийного, «милосердно» ориентированного на того самого мещанина, человека простого сознания⁵⁴, за которого заступился Бахтин, заключается в положительном заряде преодоления литературной инерции. Бахтинская точка отсчета опосредованно просматривается в таких основополагающих понятиях, введенных в научный оборот А. И. Журавлевой и Вс. Н. Некрасовым, как «иронический катарсис», корректирующий экспансивные претензии реализма и литературы⁵⁵ в целом стать «второй реальностью»⁵⁶. В каком-то смысле бахтинское «крещение» узнается и в принципиальной для А. И. Журавлевой и Вс. Н. Некрасова проверке искусства театром и театральностью — не только в общедialogическом измерении, но и предельно конкретном понимании двойственной природы текста — одновременно воспроизводящего бытие и уклоняющегося от него, что наглядно и убедительно обозначает границы между самим высказыванием и аудиторией. Идеи Бахтина остро актуальны для Анны

⁵² Бахтин М. М. <О Флобере>. — Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 5. М., «Русские словари», 1997, стр. 130 — 137.

⁵³ Журавлева А. И. М. М. Бахтин (впечатления). — «Диалог. Карнавал. Хроно-топ», 1996, № 2, стр. 80 — 81.

⁵⁴ Журавлева А. И. Островский-комедиограф. М., «Издательство МГУ», 1981.

⁵⁵ Журавлева А. И., Некрасов Вс. Н. Театр А. Н. Островского: Книга для учителя. М., «Просвещение», 1986.

⁵⁶ Журавлева А. И. Иронический катарсис: «Светлана» Жуковского и финалы Островского. — Проблемы литературных жанров. Материалы V научной межвузовской конференции 15 — 18 октября 1985 г. Томск, 1987, стр. 68 — 69.

Ивановны и служат весомым аргументом в полемике с радикальной критикой, переосмыслением и в конечном счете погребением фигуры автора в культуре постмодерна⁵⁷.

И напоследок. Если пытаться увидеть малую и большую, субъективную, частную и объективную хронологию семинара, обозначить «периоды», то безусловной вехой в его «исторической перспективе», можно считать 1975 год. В марте умер Михаил Бахтин; в июле не стало Михаила Соковнина. В последнем выпуске «Белиберды» хранилась вырезка из газеты с сообщением о его смерти⁵⁸. Анна Ивановна, подводя итоги тяжелого уходящего года, 23 декабря в письме Лоре Агеевой соединяет эти два ухода: «...и наши утраты: Михаил Михайлович Бахтин, рассказывают, уходил трудно. Миша Соковнин три недели лежал в больнице и не справился. Не справляемся и мы. Будто осиротели... В этих пустотах начинается другая жизнь...»

---

⁵⁷ Журавлева А. И., Макеев М. С. Открытый текст: Эстетика Бахтина и проблемы современной интерпретации классической драмы. — «Диалог. Карнавал. Хронотоп», 1997, № 4, стр. 38 — 39.

⁵⁸ Стигнеев В. Т. Белиберда. — Сайт памяти Вс. Некрасова <[http://vsevolod-nekrasov.ru/layout/set/print/V.T.Stigneeв/Beliberda/\(offset\)/12](http://vsevolod-nekrasov.ru/layout/set/print/V.T.Stigneeв/Beliberda/(offset)/12)>.